

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

I. Kor Chahine (ed.). Current studies in Slavic linguistics. Amsterdam: John Benjamins, 2013. 331 p. (Studies in language companion series 146.) ISBN 978-90-272-0613-8.

Рецензируемая книга представляет собой сборник статей, прочитанных в виде докладов на VI Ежегодной конференции Общества славистов (6th Annual Meeting of the Slavic Linguistics Society), которая прошла в 2011 г. в городе Экс-ан-Прованс, Франция¹.

Сборник состоит из вводной статьи и четырех разделов: морфосинтаксис (раздел 1), синтаксические отношения (раздел 2), имперсональные конструкции (раздел 3), лексическая семантика (раздел 4). Подобное тематическое разделение само по себе небесспорно хотя бы потому, что оно использует классификацию по разным основаниям. Кроме того, содержание конкретных статей не всегда соответствует разделам, в которые они помещены. Так, в разделе «Морфосинтаксис» мы находим статью Антона Циммерлинга «Подъем посессора и славянские клитики», в которой обсуждаются скорее синтаксические, а не морфосинтаксические проблемы. В то же время, статья Максима Макарецца «О маркерах эвиденциальности в двуязычном политическом дискурсе на албанском и македонском языках», помещенная в раздел «Синтаксические отношения», посвящена морфологическому сопоставлению глагольных форм из зоны перфекта в параллельных текстах на двух балканских языках. Наконец, в статье Даниэля Вайса «Ленивый говорящий и очарование пустоты: разговорный русский язык в типологической перспективе» из раздела «Синтаксические отношения» в значительной степени рассматриваются имперсональные конструкции. Таким образом,

композиция сборника представляется не вполне удачной. Тем не менее в защиту составителя можно сказать, что, хотя все статьи так или иначе написаны на материале славянских языков, обсуждаемые явления и подходы к ним (в смысле английского термина «framework») очень разнообразны, так что удачно расположить столь разнородные исследования было бы действительно непросто.

Несмотря на указанное выше разнообразие теоретических установок авторов и интересующих их явлений, во вводной статье Маргерит Гиро-Вебер и Ирины Кор Шаин «Имперсоналы и другие явления в славянских языках» (с. 1–21) отмечается, что тематическим ядром настоящего сборника является исследование имперсональных конструкций в славянских языках. Авторы достаточно подробно говорят о проблеме определения имперсональной конструкции, а также о критериях выделения подлежащего, от которых в значительной степени зависит подход к имперсональным конструкциям. К сожалению, Гиро-Вебер и Кор Шаин ограничиваются обсуждением различных проблем, связанных с определением имперсоналов, и не предлагают собственного операционального определения имперсональной конструкции, поэтому читатель должен делать выводы самостоятельно. Насколько можно судить из текста, авторы придерживаются комплексного понимания имперсональной конструкции в славянских языках, что включает отсутствие контролирующего действие одушевленного агенса на уровне семантики и формальное отсутствие именной группы в именительном падеже.

Значительное место во вводной статье отводится обсуждению наблюдаемых типов имперсональных конструкций в славянских языках. Сюда входят конструкции, обозначающие характеристики окружающей среды (русс. *На улице холодно, Смеркалось*), отри-

¹ Рецензия подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 14-18-03270 «Типология порядка слов, коммуникативно-синтаксический интерфейс и информационная структура высказывания в языках мира».

цание существования (русск. *Отца не было дома*), описание физического или ментального состояния (русск. *Мне тяжело*), конструкции с модальными предикатами (русск. *Мне надо работать*), отрицательные конструкции с дативным экспериенцером (русск. *Мне не до смеха*), инфинитивные конструкции (русск. *Ему ходить, Вам не понять*), имперсоналы с аргументом в аккузативе (русск. *Его лихорадит*), в инструменталисе (русск. *Ветром сорвало крышу*). Опять же, недостатки такой классификации очевидны, потому что здесь формальные основания (форма глагола, падеж аргумента) смешаны с семантическими. Например, как показано в статье Алины Израэли в обсуждаемом сборнике (см. далее), инфинитивные конструкции могут иметь совершенно разную семантику, в зависимости от наличия/отсутствия отрицания, видовой формы глагола и др. Обсуждение различных типов конструкций применительно к конкретным языкам также носит в статье скорее эскизный характер. Тем не менее авторы показывают, что наибольшее разнообразие типов имперсональных конструкций характерно для русского языка, в меньшей степени – для западнославянских языков, наибольшие ограничения на имперсоналы накладываются в южнославянских языках, особенно в болгарском (авторы связывают это с утратой категории падежа). Так или иначе, подробное микротипологическое исследование распределения различных типов имперсональных конструкций в различных славянских языках – это дело будущего. Хочется также надеяться, что в перспективе слависты будут в большей степени учитывать материал украинского, белорусского, словенского, серболужицких языков, которые в настоящем сборнике почти не упоминаются.

Статья Стивена Фрэнкса «Еще раз о связывании и морфологии» (с. 25–42) посвящена варьированию способностей к связыванию у рефлексивов в различных языках. В русском предложении *Милиционер₁ расспрашивал арестованного₂ о себе_{1,2}* рефлексив *себе* связывается только подлежащим, а в его английском аналоге *The policeman₁ asked the suspect₂ about himself_{1,2}* antecedентом для *himself* может быть и подлежащее, и прямое дополнение. Напротив, в русском предложении *Иван₁ читал Сашину₂ статью о себе_{1,2}* возможны два прочтения, а в аналогичном английском предложении *Ivan₁ read Sasha's₂ article about himself_{1,2}* рефлексив связывается только прямым дополнением. Вскоре после возникновения теории связывания Н. Хомского в работе [Yang 1983] было замечено, что существует корреляция между морфологической структурой рефлексива и его способностью к связыванию. Рефлексивы с более простой морфологической структурой вроде *себя* ориентированы на подлежащее и

могут быть связаны дистантным antecedентом. Напротив, более сложные рефлексивы вроде *himself* требуют локального antecedента. Иными словами, синтаксические особенности рефлексива зависят от его (формальной) морфологической структуры. Как отмечает Фрэнкс, эта корреляция противоречит архитектуре современной генеративной грамматики. Если допустить, что морфологическая структура входит в фонетическую форму (phonetic form), а способность к связыванию относится к логической форме (logical form), то получается, что фонетическая форма в случае с рефлексивами оказывается первичной по отношению к логической, а это категорически невозможно в современной модели грамматики. Фрэнкс предлагает следующее решение: синтаксические особенности рефлексива зависят не от его формальной структуры, а от семантики, которая отражена в логической форме. Иными словами, разница между *себя* и *himself* в том, что *himself* охарактеризован по лицу, числу и роду, а *себя* – нет; при этом их внешняя структура не имеет значения. В качестве доказательства этого тезиса Фрэнкс приводит примеры из славянских языков, в которых семантика анафора не коррелирует с его формальной структурой.

В статье Антона Циммерлинга «Подъем посессора и славянские клитики» (с. 43–60) обсуждается способность именных групп и клитик употребляться как внутри именной группы, так и в качестве глагольного аргумента на уровне клаузы при сохранении значения посессивности: ср. русск. *Она не* [_{NP} *дочь Петрова*_{GEN} / *его*_{GEN} *дочь*] vs. *Она ему*_{DAT} / *Петрову*_{DAT} *не дочь*. В литературе обычно считается, что структуры второго типа выводятся из структур первого типа путем «подъема» посессора из именной группы на уровень клаузы. Циммерлинг показывает, что далеко не для всех славянских языков подобный анализ корректен, потому что в большинстве славянских языков обсуждаемые пары очень часто различаются и по своей синтаксической структуре, и по семантике, и по дистрибуции элементов, которые встречаются в этих конструкциях. Поэтому такие конструкции не всегда можно анализировать как связанные отношением простой трансформации подъема посессора. Для этих более тонких случаев автор предлагает термин «посессивный сдвиг» («possessive shift»).

Катажина Янич в статье «Славянские языки и развитие показателя антипассива» (с. 61–74) рассматривает полисемию славянских рефлексивных показателей в типологическом контексте. Раньше в литературе считалось, что показатель антипассива как средство детранзитивации возможен только в эргативных языках, причем способность маркера антипассива употребляться в других конструкциях не принималась во внимание. Современные

исследования демонстрируют, что во многих эргативных языках антипассив маркируется полифункциональным показателем, способным употребляться в других контекстах, в частности в семантической зоне медиального залога. Продолжая эту линию, Янич показывает, что и в аккумулятивных славянских языках показатель *SE* из зоны рефлексива способен употребляться в антипассивных конструкциях, ср. русск. *Он умылся* (рефлексив), *Собака кусается* (антипассив, см. [Say 2005]). Иными словами, если способность антипассивного маркера употребляться в других контекстах не мешает исследователям постулировать антипассивную конструкцию в эргативных языках, то, следуя той же логике, и применительно к аккумулятивным языкам с соответствующим полифункциональным маркером можно с полным правом говорить об антипассивной конструкции.

Статья Марьяны Марель и Эрика Ройланда «Еще раз о клитике *SE* в романских и славянских языках» (с. 75–88) также посвящена полисемии рефлексивного показателя. В частности, речь идет об употреблении показателя *SE* для выражения значений рефлексива (*Вася моется*), реципрока (*Вася и Маша целуются*), пассива (*Дом строится*) и имперсонала (*Здесь хорошо работается*)². Несмотря на то, что по своей теме данная статья очень близка обсуждавшейся выше статье Катажины Янич, Марель и Ройланд подходят к рефлексивной полисемии с совершенно другой стороны – с позиций генеративного синтаксиса. Если для ориентированных на «традиционную» и функциональную типологическую литературу исследователей полисемия рефлексивных маркеров – это почти тривиальный факт, связанный с семантической и диахронической смежностью обсуждаемых переходных конструкций, то для Марель и Ройланда как представителей генеративного направления это «загадка», требующая отдельного исследования и специальной формализации. Так, обсуждение авторами четырех указанных выше типов употребления *SE* и сама постановка проблемы в начале статьи звучат несколько удивительно для типологически хоть немного эрудированного читателя: «Даже беглое знакомство с примерами <...> позволяет заметить, что у этих конструкций очень мало общего как в семантическом, так и в синтаксическом плане. Тем не менее во всех этих предложениях есть (рефлексивная. – М.К.) клитика. Тогда возникает вопрос: случайно ли

² Авторы иллюстрируют четыре типа конструкций примерами из сербского языка, в которых *SE* – это действительно клитика. Здесь мы для простоты приводим русские эквиваленты сербских примеров.

наличие (идентичной. – М.К.) клитики в этих конструкциях или этому можно найти объяснение?» (перевод мой. – М.К.). Так или иначе, Марель и Ройланд предлагают унифицированный синтаксический анализ для различных употреблений рефлексивного маркера.

В статье Даниэля Вайса с причудливым названием «Ленивый говорящий и очарование пустоты: разговорный русский язык в типологической перспективе» (с. 91–121) обсуждаются (в продолжение серии предыдущих работ того же автора) эллиптические конструкции и синтаксические нули в современном русском языке. Согласно Вайсу, эллипсис – это опущение некоторого элемента, который всегда можно восстановить, а синтаксический нуль не соответствует никакому выражению. Если эллипсис – это необязательное, «текстовое», явление, то синтаксический нуль обязателен и относится к системе языка. В своей статье Вайс подробно обсуждает различные типы опущения и нули в современном русском языке, сравнивая современную ситуацию с языком «Жизнеописания» протопопа Аввакума. К сожалению, статья с таким эффектным названием все-таки не вполне оправдывает ожидания читателя. Во-первых, хотя в названии заявлен разговорный вариант языка, на самом деле Вайс опирается в основном на публицистику и русскую литературу XX в. Во-вторых, «типологическая перспектива» у Вайса – это сравнение с польским и чешским языками. Впрочем, последнее тоже ценно: как показывает Вайс, западнославянские языки демонстрируют гораздо меньше «лени и пустоты», чем русский.

Дорота Сикора в работе «Становится ли польский глагол *iść* вспомогательным: корпусное исследование конструкции *iść* + инфинитив» (с. 123–137) показывает, что польский глагол *iść* «идти» находится на пути грамматикализации и может стать маркером проспектива / ближайшего будущего. Автор проводит закономерную параллель с английским *be going to*. Например, как и английский аналог, польский глагол способен сочетаться «сам с собой»: англ. *I'm going to go and pick them up now* «Я пойду и заберу их сейчас»; польск. *Idę iść. Będę wieczorem* «Я уйду. Буду вечером». Однако, в отличие от *be going to*, польский глагол не способен сочетаться с противоположными по семантике инфинитивами: англ. *He is going to stay here for a while* «Он собирается остаться здесь ненадолго», польск. **Idziesz zostać tutaj?* «Ты собираешься здесь остаться?». Таким образом, *iść* действительно может стать грамматикализованным служебным показателем, хотя этот процесс нельзя считать завершенным.

Статья Максима Макареца «О маркерах эвиденциальности в двуязычном политиче-

ском дискурсе на албанском и македонском языках» (с. 139–148) представляет собой опыт сравнения параллельных текстов из двуязычной телепередачи, где албанская речь героев сопровождается македонскими субтитрами, и наоборот. Автора интересует перевод перфектных форм с одного языка на другой. Дело в том, что в македонском перфектная форма, как известно, может использоваться не только для выражения собственно перфектного значения, но и для передачи значения косвенной эвиденциальности. В албанском же перфектная форма может, помимо собственно перфектного значения, использоваться в зоне аориста / имперфекта (при этом эвиденциальность в албанском передается особой формой, синхронно с перфектом не совпадающей). Таким образом, значение перфектных форм в двух языках пересекается лишь частично, и это отражается в переводах, что демонстрирует автор статьи.

Александр Летучий в статье «Странный вариант конструкции со *чтобы* в русском языке: ирреальность и маркирование времени» (с. 149–166) на материале корпусных данных исследует сложные предложения с союзом *чтобы* в русском языке. Как известно, союз *чтобы* требует в подчиненной клаузе глагола в форме инфинитива или прошедшего времени: русск. *Приходи, чтобы за нас поболеть; Чтобы было понятнее, я вставил таблицу; *Чтобы будет понятнее, я вставил таблицу.* Летучий показывает, что это ограничение действует не только в той же клаузе, которую вводит союз, оно может распространяться и на вложенную в нее временную клаузу: *Я хочу, чтобы, когда я приходил, дверь открывала жена.* В данном примере *я приходил* не может иметь значение абсолютного прошедшего времени, потому что это нереальная ситуация. Поскольку, как показывает автор, союз *когда* не накладывает никаких ограничений на глагольную форму, остается предположить, что форму прошедшего времени у *приходил* навязывает союз *чтобы* из верхней клаузы. Современные исследования полипредикативных структур обычно ограничиваются обсуждением предложений с одной вложенной клаузой. Как убедительно демонстрирует Летучий, поведение дважды вложенных клауз не вполне тривиально и нуждается в специальных исследованиях.

Ясмينا Миличевич в статье «Имперсональные конструкции в сербском языке: описание в рамках модели “Смысл–Текст”» (с. 169–183) обсуждает теоретические основания исследования имперсональных конструкций и их соотношение с пассивным залогом, а также представляет достаточно подробное описание различных сербских имперсональных кон-

струкций, используя формализм модели «Смысл–Текст».

Статья Малгожаты Кшек «Интерпретация и залог в польских конструкциях с *SIĘ* и *-NO/-TO*» (с. 185–198) посвящена синтаксическому анализу польских имперсональных конструкций с *SIĘ* (польск. *Tańczy się tutaj często* ‘Здесь часто танцуют’, букв. ‘танцуется’) и *NO/-TO* (польск. *Pracowano ciężko* ‘(Люди) много работали’). Автор показывает, что эти конструкции имеют различную синтаксическую структуру.

Статья Алины Израэли «Дативно-инфинитивные конструкции в русском языке: таксономия и семантика» (с. 199–224) представляет собой опыт классификации русских конструкций с инфинитивом и аргументом в дательном падеже, например, *Ему не вернуться домой.* Израэли выстраивает очень подробную классификацию таких высказываний и достаточно убедительно показывает, что при описании инфинитивных конструкций следует учитывать также глагольный вид, на который исследователи обычно не обращают внимания: ср. *не ему петь* vs. **не ему спеть*. Тем не менее методология Израэли и анализ конкретных типов вызвали у автора настоящей рецензии множество возражений. Не имея возможности высказать здесь их все, отметим лишь самое принципиальное, а именно спорный, на наш взгляд, способ построения таксономии. Во вводном разделе автор статьи отмечает, что обсуждаемые конструкции складываются в русском языке из четырех элементов: дативный аргумент (Dat), инфинитив в совершенном (INF_{PF}) либо несовершенном (INF_{IPF}) виде, отрицательная частица *не* и частицы *ли, же, бы.* *Же* и *бы* в статье не рассматриваются, и дальше автор пишет, что оставшиеся элементы образуют десять теоретически (!) возможных комбинаций. Именно эти комбинации, полученные логическим перебором, и составляют базу таксономии у Израэли. При этом автор, кажется, не учитывает различную степень композициональности у различных конструкций, особенно это касается отрицания. Например, несколько сомнительно выделение в качестве отдельных классов типа *Dat + INF_{IPF}* вроде *Ей здесь жить* и *Dat + не + INF_{IPF}* вроде *Больше ей здесь не жить*, потому что, как кажется, наличие отрицания вполне композиционально меняет семантику первой конструкции. Кроме того, в начале статьи Израэли будто бы с сочувствием цитирует работу [Veugens 1979], в которой говорится об импрессионистичности определения семантики инфинитивных конструкций в лингвистических работах: «инфинитив фатальности», «инфинитив невозможности» и т. д. Однако дальше сама же Израэли так определяет свои типы: «*Dat + NF_{IPF}* означает, что ‘после некоторых

сомнений или размышлений принято решение о том, что будет S'», «Dat + не + INF_{IPF} или не + Dat + INF_{IPF} содержит элемент фаталистского, обычно негативного предсказания» (перевод мой. – М.К.). В целом при чтении статьи возникает ощущение, что автор, при всей внешней дотошности, на самом деле упустил что-то важное. Что именно – покажут дальнейшие исследования.

В статье «О природе дативных аргументов в русских конструкциях с "предикативами"» (с. 225–245) Сергей Сай на материале корпусных данных исследует сочетаемость с дативными аргументами русских предикативов и соответствующих им полных и кратких прилагательных: *Мне это интересно; Этот фильм мне интересен; Интересный мне фильм больше не показывают в кино*. Автор делит предикативы на несколько классов, в зависимости от того, отличается ли их сочетаемость от поведения соответствующих прилагательных, и предлагает иерархию: предикативы > краткие формы прилагательных > полные формы прилагательных. Согласно этой иерархии, полные формы прилагательных реже всего сочетаются с дативными аргументами. Помимо эмпирических результатов, которые ценны сами по себе, интересен также методологический посыл, который отличает многие работы Сая. Автор показывает, что, хотя существуют разные способы интерпретации и анализа обсуждаемых им данных – структурно-синтаксический, деривационный и конструкционный, – ни одна из этих моделей не может адекватно описать все группы предикативов, но вполне подходит для какого-то одного класса явлений. Таким образом, эти модели следует считать не взаимоисключающими, а комплементарными.

В работе «Русские адверсативные имперсоналы и расщепленная эргативность» (с. 247–263) Катрин Шлунд исследует русские конструкции типа *Лодку унесло ветром* в типологическом контексте и показывает, что они по многим параметрам схожи с эргативными конструкциями. Например, как и для эргативных конструкций в языках с расщепленной эргативностью, для обсуждаемых русских имперсоналов характерны ограничения по видо-временной семантике, одушевленности каузирующего участника, сочетаемости с наречиями, а также специфический порядок слов.

Глория де Валдивиа, Жоан Каstellви и Мариона Тауле в статье «Морфологический и лексический вид в русских отглагольных номинализациях» (с. 267–280) задаются вопросом, отражается ли морфологический и лексический вид (примерно соответствующий акциональному классу) глагола на интерпретации соответствующего отглагольного имени как

события, результата или состояния. Авторы показывают, что сильной корреляции между морфологическим видом и акциональным классом глагола, с одной стороны, и семантической номинализацией, с другой стороны, нет. Тем не менее определенные тенденции все-таки прослеживаются: имя со значением события чаще образуется от глагола в несовершенном виде, а имя со значением результата – от глагола в совершенном виде. В то же время глаголы состояния чаще образуют имена со значением состояния, процессуальные глаголы образуют имена со значением события, глаголы совершенного и достижения образуют имена со значением события и результата.

Дмитрий Добровольский и Людмила Пёпель в статье «Лексическая синонимия внутри семантического поля ВЛАСТЬ» (с. 281–295) представляют тонкий лексикографический анализ слов *революция, переворот, мятеж и восстание*. Как справедливо замечают авторы, подобные исследования очень актуальны, потому что они помогают разобраться в механизмах языковой манипуляции и пропаганды.

Статья Владимира Белякова «Коллокации с именными квантификаторами: семантика и сочетаемость» (с. 297–311) посвящена русским словосочетаниям со словами типа *табун, стая, полк, гряда, прорва* и др. Автор показывает, что именные квантификаторы делятся на два класса: полнозначные имена, имеющие собственное лексическое значение и способные употребляться без зависимого слова (*Табун лошадей промчался по степи; Табун промчался по степи*), а также неполнозначные имена, которые могут употребляться только вместе с другим именем: *Во дворе лежала гряда металлолома; ?Во дворе лежала гряда*. Любопытно, что Беляков использует термины «категорематический» и «синкатегорематический» для обозначения квантификаторов первого и второго типа соответственно, никак не комментируя это противопоставление и лишь ближе к концу статьи ссылаясь в сноске на «Антологию мировой философии» 1969 г. Так или иначе, в статье автор демонстрирует при помощи различных тестов на сочетаемость, что два обсуждаемых класса имен обладают неодинаковыми свойствами. Надо заметить, что некоторые примеры Белякова не соответствуют нашей интуиции (*ворох подлости / трусости / слабости; охапка счастья / надежд*), поэтому, на наш взгляд, автору следовало бы опросить носителей языка или шире привлечь корпусные данные, чтобы разобраться с не вполне очевидными случаями. Тем не менее эти частности касаются отдельных единиц и не противоречат общим выводам.

Коллективная статья Татьяны Резниковой, Екатерины Рахилиной, Ольги Карповой,

Марии Кюсевой, Дарьи Рыжовой и Тимофея Архангельского «Схемы многозначности у русских прилагательных и наречий: корпусно-ориентированная база данных» (с. 313–322), по сути, является презентацией семантической базы данных многозначных единиц, над созданием которой работают авторы. Как утверждается в статье, эта база данных имеет не только практическое значение для частных исследований полисемии, она также содержит важные теоретические импликации. Во-первых, подтверждается идея о системной организации лексики. Во-вторых, в базе встречаются такие семантические переходы, которые не предсказываются существующими лингвистическими моделями. Следовательно, современные теории лексических процессов нуждаются в уточнении.

Сведения об авторе:

Мария Борисовна Коношенко
Российский государственный гуманитарный университет / Институт языкознания РАН / Московский государственный гуманитарный университет им. М.А. Шолохова
eleiteria@gmail.com

Рецензируемый сборник, несомненно, будет интересен широкому кругу читателей, в первую очередь славистам и синтаксистам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Veyrenc 1979 – Veyrenc J. Structure de la proposition infinitive impersonnelle (en russe contemporain). *Revue des études slaves*. 1979. T. 49.
Yang 1983 – Yang D.-W. The extended binding theory of anaphors. *Language research*. 1983. Vol. 19.
Say 2005 – Say S. The pragmatic motivation of antipassive in Russian. *Pragmatics today*. Piotr Cap (ed.). Frankfurt am Main, 2005.

М.Б. Коношенко

Information about the author:

Mariya B. Konoshenko
Russian state university for humanities / Institute of linguistics (RAS) / Sholokhov Moscow state university for the humanities
eleiteria@gmail.com
Moscow / Russia

O. Inkova, P. Hadermann (éds). La corrélation: Aspects syntaxiques et sémantiques. Genève: Librairie Droz S. A., 2013. 384 p. (Recherches et rencontres 32). ISBN 978-2-600-01754-1.

Рецензируемый сборник статей посвящен особому классу конструкций сложного предложения, в современной литературе называемых коррелятивными¹. В самом общем смысле коррелятивной считают любую полипредикативную конструкцию, в которой некоторый элемент зависимой клаузы формально соотносится с другим элементом главной клаузы; при этом оба элемента являются не вершинами, а полноценными составляющими (именными группами, группами наречий и т.п.), возможно выраженными местоименными формами. Часто считают, что зависимая клауза при этом должна примыкать к главной, а не к

коррелятивному элементу внутри последней («корреляту»). Примеры конструкций, однозначно рассматриваемых в современной литературе как коррелятивные, приведены ниже:

- (1) Кто не работает, тот не ест.
- (2) The more you read, the less you understand.
- (3) [jo ləŋki vəhā kʰəŋi
которая девушка там стоящая
hɛ], vo ləmbi hɛ
есть она высокая есть
'Девушка, которая там стоит, – высокая'.
(букв. 'Которая девушка там стоит, она высокая'.)
(хинди, [McCawley 2004: 291])
- (4) gā māj yā [kó yī
иди рис с 1+2DU спала
lɛ é plá] à lɛŋ
женщина DEF у 3SG к
'Отнеси риса женщине, у которой мы спали'.
(уан, [Nikitina 2012: 320])

¹ Эти конструкции, точнее те из них, которые используются как относительные, известны также под некоторыми другими названиями: «местоименно-соотносительные» [Белошопова 1989: 758]; «архаический тип» релятивизации [Зализняк, Падучева 1975]; «диптих» («diptyque» [Haudry 1973]); «примыкающие относительные предложения» («angeschlossene Relativsatz» [Lehmann 1984: 122], «adjoined relative clauses» [Hale 1976]) и др.

Эти предложения хорошо иллюстрируют основные типы коррелятивов. Коррелятивы